

Глава 12

Чжу Цинчэнь оказался последним!

Он увольняется! С него хватит!

Обманщики, кругом одни обманщики! На людях твердят: «Наставник не говорил о сверхъестественном, чудесах и духах», а стоит отвернуться — и все как один бегут в храм воскурять благовония!

Чжу Цинчэнь сидел на каменных ступенях, обиженно поджав губы. В его глазах стояли слезы, а сам он с праведным негодованием косился на старых коллег, заполнивших зал. Те же, подготовившись заранее, невозмутимо извлекали из своих корзин свечи и ароматные палочки.

— Это я должен был быть первым! — возопил он, пытаясь сбить их с толку. — Будда в вышине, Небо и Земля мне свидетели — именно мой ученик станет чжуаньюанем!

Но наставников было не пронять. Они чинно и методично зажигали светильники, расставляя их ровными рядами; в полумраке зала заплясали огоньки.

Чжу Цинчэнь в ярости ударил кулаком по земле:

— Он мой! Титул первого эрудита будет моим!

Старики, держа в руках зажженные палочки, выстроились перед изваянием Будды.

— Не обращайтесь внимания, — бросил один из них, даже не обернувшись. — Пусть этот маленький плут поплачет, ему полезно.

Юноша снаружи продолжал неистово шуметь, надеясь помешать их молитве. Система, паря рядом с ним, внезапно развернула крошечный электронный экран.

[Изображение: Мрачное ползание.jpg]

Чжу Цинчэнь хоть и не понял странную приписку в конце, но смысл картинки уловил мгновенно.

— Даже ты надо мной издеваешься?!

Он надулся и уселся на лестнице, принявшись рассеянно тереть рукав своего халата. Система опустилась ему на плечо.

[Обиделся?]

— Обиделся, — серьезно подтвердил он. — Увольняюсь. Хочу домой.

[Не кипятись. Пока задание не выполнено, ты всё равно не сможешь вернуться]

— ... — Чжу Цинчэнь лишь бессильно ткнул кулаком в светящийся шарик.

До чего же досадно!

К тому времени остальные ученые уже закончили обряд. Поправляя воротники и сияя довольными лицами, они гурьбой вышли на крыльцо.

— Что, Сяо Чжу, всё еще дуешься?

Он демонстративно отвернулся, не желая вступать в беседу. Старики обступили его со всех сторон, присаживаясь рядом и по-отечески приобнимая за плечи.

— Ну полно тебе. Разве не ты сам пытался нас провести?

— К тому же ты еще так молод. У тебя впереди целая жизнь, еще успеешь воспитать своего чжуаньюаня.

— А мы уже на закате дней. Нам бы хоть разок увидеть своего ученика первым эрудитом, прежде чем глаза закроем навеки. Только тогда сможем сказать, что прожили жизнь не зря.

Под напором их уговоров Чжу Цинчэнь начал сдаваться, хотя в душе еще тлел огонек обиды.

— Хватит сердиться. Небось с самой зари маковой росинки во рту не было? Идем, отведаем постной трапезы в монастырской келье. Говорят, в Храме Великого пробуждения еда очень вкусная.

При упоминании о еде юноша наконец поднял голову:

— И что же там за блюда?

— Салат из кувшинок, пастушья сумка, молодая горчица... — перечислял старый наставник. — И всё это под густым соусом из дикой сливы, да с пышным рисом.

Чжу Цинчэнь сглотнул слюну:

— Ну ладно... Но чур я съем две порции!

— Ешь хоть двадцать! Я сам оплачу подношение храму, ешь сколько влезет.

Старики подхватили его под руки и повели к кельям. Монахи как раз только закончили утреннюю службу и приступали к завтраку. Усадив гостей за пустой стол, маленький послушник принес им целый ушат дымящегося риса и несколько тарелок с дикими травами.

Чжу Цинчэнь почтительно сложил ладони:

— Благодарю, маленький наставник.

— Не стоит благодарности, почтенный мирянин. Приятного аппетита.

Юноша засучил рукава, вооружился деревянной чашей и принялся накладывать рис. Наполнив ее до краев рисом, он сверху водрузил внушительную горку зелени и щедро полил всё сливовым соусом. Зажав в руке ложку, он начал энергично перемешивать содержимое.

— Клади поменьше, — предостерег его коллега. — Никто у тебя еду не отнимет, а так только всё по столу размажешь.

— Не размажу, — уверенно отозвался Чжу Цинчэнь, действуя на удивление ловко. — Я в этом деле мастер.

Кисло-сладкий соус идеально дополнял рис. Стоило ему проглотить первую же ложку, как все горести мгновенно выветрились из его головы. Он довольно заерзал на мягкой подушке, сияя так, будто его хвост вот-вот взметнется до самых небес.

Старые наставники переглянулись с неопишуемым выражением на лицах:

— Сяо Чжу воистину отходчив. Одна ложка — и весь гнев как рукой сняло.

— Теперь будем знать: ежели он рассердится, надо просто покормить его, и дело с концом.

Услышав их перешептывания, Чжу Цинчэнь вскинул голову, и лицо его на миг приняло суровый вид. Однако сидевший рядом старик быстро прижал ладонь к его макушке:

— Ешь давай, не отвлекайся.

Юноша послушно отправил в рот еще одну порцию риса.

И впрямь — объединение!

Постная еда в Храме Великого пробуждения оказалась настолько хороша, что Чжу Цинчэнь незаметно для себя опустошил две огромные чаши. Доедая, он торжественно провозгласил:

— Если мои ученики не возьмут титул чжуаньюаня, я уйду в этот монастырь и приму постриг!

Старики нахмурились, глядя на него с плохо скрываемой тревогой:

— Ты еще молод, всякое бывает...

В этот момент мимо проходил тот самый послушник. Он печально вздохнул:

— Почтенный мирянин, вы едите слишком много. Боюсь, с таким аппетитом вы пустите наш монастырь по миру.

Чжу Цинчэнь:

— ?

Наставники поспешили увести послушника подальше:

— Тебе что, больше всех надо? Иди-ка отсюда, подбру-поздорову.

Насытившись, Чжу Цинчэнь подхватил свою корзинку и направился в главный зал. Раз уж пришел, надо исполнить долг. Солнце поднялось выше, и паломников в храме прибавилось.

Заняв место перед изваянием, юноша почтительно склонился и принялся истово молиться про себя.

«Пэй Сюань и Лю Ань, Лю Ань и Пэй Сюань... пусть хотя бы один из них войдет в тройку лучших! За это клянусь до конца дней своих не вкушать мяса! Кроме мандаринки-белки, разумеется. И свинины „Личи“... Ах да, и чашао тоже можно вычеркнуть...»

Система, слышавшая его мысли, не выдержала:

[Ты бы просто сказал, что будешь есть всё, кроме кузнечиков и саранчи]

— Молчи, не мешай мне загадывать желание.

Чжу Цинчэнь выпрямился, водрузил палочки в чашу и, вновь сложив ладони, закрыл глаза, чтобы повторить всё с самого начала.

— Готово! — с видом полнейшей уверенности он вышел из храма. — С такой искренностью проблем точно не будет.

Искренность в его понимании обрела новое значение.

Вместе со старыми наставниками он еще немного побродил по монастырю и нанес визит настоятелю. В завершение Чжу Цинчэнь приобрел резную фигурку бодхисаттвы Манджушри.

— А вы разве не возьмете себе такую же? — спросил он коллег.

Те лишь понимающе улыбнулись:

— Бери-бери. Мы свои уже давно приобрели, дома ставить некуда.

— А-а.

Чжу Цинчэнь бережно уложил статуэтку в свою корзину и заботливо накрыл ее синей тканью. Система вздохнула.

[...Ему же не холодно]

— А вот и неправда! — авторитетно возразил юноша. — Сейчас я вскочу на коня и помчусь во весь опор, а на улице ветер так и свищет! Бодхисаттва замерзнет!

[...]

Уходя, старцы оставили храму щедрое пожертвование. Чжу Цинчэнь же просто стоял рядом, подбоченясь и демонстрируя пустые рукава. Что возьмешь с младшего? Вспомнив, сколько еды он уничтожил за завтраком, наставники вздохнули и добавили еще несколько монет.

Покинув обитель, Чжу Цинчэнь повесил корзинку на руку и, лениво перебирая поводья, двинулся в сторону города. Кареты учителей потянулись следом. На девственно чистом снегу оставались отпечатки копыт и глубокие колеи — начался новый год.

Вернувшись в резиденцию, юноша первым же делом расчистил стол в своих покоях. С величайшим почтением он установил фигурку бодхисаттвы, расставил курильницы и разложил

подношения. Сложив ладони, он прошептал:

— Отныне и до самого конца экзаменов я буду совершать здесь обряды каждый божий день.

Впрочем, религиозный пыл Чжу Цинчэня обычно имел ограниченный срок действия. Система же вывела на экран новую картинку: панду с выражением лица «хочу сказать, да не решаюсь».

В дверь постучали. Голос Сун Фэна из-за порога возвестил:

— Наставник, вы уже встали? Старший брат Лю и другие ученики прибыли, дабы поздравить вас с Новым годом.

— Я уже поднялся, заходи, — отозвался Чжу Цинчэнь.

— Слушаюсь. — Сун Фэн толкнул дверь и, увидев преображенный стол, оторопел. — Учитель... когда это вы успели принести в дом божество?

— Только что.

— Вы выходили на улицу?

— Само собой.

Сун Фэн схватился за голову. Ему начало казаться, что он окончательно лишился рассудка после бессонной ночи. Когда наставник успел ускользнуть из дома?

Чжу Цинчэнь похлопал его по плечу и вышел в зал. Ученики уже ждали его. При виде учителя они дружно склонились в глубоком поклоне, желая ему здоровья и процветания. Юноша с улыбкой принял поздравления и, достав из рукава заранее заготовленные красные конверты, начал их раздавать.

— Лю Аню — один, Пэй Сюаню — один... Каждому по одному, и мне один останется.

— Благодарим наставника!

Чжу Цинчэнь чинно восседал во главе стола, взирая на них с «отеческой любовью». Система связвила.

[Опять... Снова это выражение лица]

Спрятав подарки, ученики сгрудились перед наставником:

— Учитель, а можно нам во внутреннем дворе хлопушки повзрывать?

Чжу Цинчэнь притворно нахмурился:

— Сколько вам лет? Всё бы вам в игрушки играть.

— Всего на четверть часа! А после сразу сядем за книги.

— Ну ладно, — он поднялся и заговорщицки придвинулся к ним. — Покажите-ка, что за хлопушки вы притащили?

Ребята высыпали содержимое карманов.

— Желает ли наставник присоединиться к нам?

Юноша опасливо покосился на гору пиротехники и замахал руками:

— Нет-нет, идите сами.

Хлопушки выглядели слишком мощными, и Чжу Цинчэнь просто боялся подходить к ним — он знал, что бегаёт не слишком быстро, и риск быть поджаренным был велик. Вот если бы Ли Юэ был рядом, он бы, пожалуй, рискнул...

Сидя в беседке, он наблюдал за весельем. Снаряды рвались один за другим, поднимая в воздух каскады снежных брызг. Рассудительный Лю Ань устроился подле учителя, собираясь налить ему чаю, как вдруг очередная вспышка окатила его с ног до головы снегом.

Ученик поднес чашку наставнику и выразительно посмотрел на него:

— Учитель...

Чжу Цинчэнь всё понял без слов и кивнул:

— Иди.

Лю Ань поднялся, не спеша засучил рукава и направился к расшалившимся соученикам.

В день праздника фонарей Юаньсяо власти вновь устроили фейерверк за чертой города. Чжу Цинчэнь, прихватив свою скамеечку, отправился туда вместе с учениками. Под грохот огней молодежь за его спиной неумолчно щебетала:

— Смотрите, какая красота!

— О, этот еще лучше! Надо будет по возвращении стихи написать...

Стало слишком шумно. Чжу Цинчэнь обернулся и холодно произнес:

— Не забывайте, что завтра утром всем надлежит явиться в Академию на занятия.

Голоса тут же приутихли. Учиться не хотелось никому. Он вновь отвернулся и, подперев лицо руками, уставился на расцветающее небо. Наконец-то стало тихо.

Однако... Система тоже была на взводе.

[Ты не мог бы перестать вопить у себя в голове «Ух ты! Ого!»? У меня в ушах звенит!]

Чжу Цинчэнь лишь крепче сжал щеки.

«Не могу. Потому что я — наставник, а ты — нет. Они обязаны слушаться меня, а я тебя — нет»

Система выдержала паузу и ядовито заметила.

[Завтра тебе тоже идти в Академию. На работу]

— ... — Чжу Цинчэнь поперхнулся.

Он резко развернулся к своим ученикам, и в следующую секунду они все вместе, обнявшись, зашлись в рыданиях.

Никто не хотел в Академию! Никто не хотел работать!

Прохожие в изумлении застывали на месте. Неужто огни были настолько трогательными? Почему эти люди рыдают в голос, да еще так горько?

Когда представление закончилось, Чжу Цинчэнь, подобно наездке с выводком цыплят, повел своих подопечных домой. Он всё еще шмыгал носом, а глаза его были красными от слез.

В это же время император в сопровождении свиты спускался с крепостной стены. Заметив знакомый красный нос и заплаканные глаза наставника, Ли Юэ невольно нахмурился. Его Система спросила.

[О чем это он плачет?]

— Должно быть, глядя на огни, он вспомнил обо мне, — серьезно ответил император. — Чжу Цинцин всегда был ко мне очень привязан. Это я виноват: хотел порадовать его зрелищем, а в итоге лишь довел до слез.

Красный светящийся шарик подлетел поближе, подслушал разговоры внизу и вернулся обратно.

[Носитель, Чжу Цинчэнь просто не хочет завтра идти на работу. Откуда столько самонадеянности?]

Ли Юэ:

— ?

— Не верю. Ты мне лжешь.

С другой стороны, синий шарик, дремавший на плече юноши, вдруг встрепенулся.

[Хозяин, я только что почувствовал какое-то странное присутствие]

— Что еще за присутствие?

[Оно исчезло так быстро, что я не успел его распознать]

— Наверное, это была аура моей безграничной печали.

[Исключено. Твоя печаль настолько сильна, что ее невозможно не заметить, — Система помедлила. — Твои эмоции всегда бьют через край: ты топаешь ногами, катаешься по полу... Я же не слепая]